

АЛЕКСАНДР БОРОВСКИЙ

ОТ И ДО

Статьи и зарисовки 2018–2022

ПАЛ Ъ МИ РА
ТВ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 7.036
ББК 85.103(2)6
Б83

Боровский А.

Б83 От и до : Статьи и зарисовки 2018–2022 : [сборник] / Александр Боровский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 300 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-08607-5

Сборник текстов и зарисовок, написанных Александром Боровским с 2018 по 2022 год и расположенных в хронологическом порядке, предлагает острый искусствоведческий взгляд на события и тенденции в современной культуре и искусстве — тенденции, создающиеся на наших глазах. Издание дополнено именным указателем, который служит путеводителем по ключевым именам российского (и зарубежного) искусства начала XXI века.

УДК 7.036
ББК 85.103(2)6

ISBN 978-5-517-08607-5

© Боровский А. Д., 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ВОПРОС — ОТВЕТ

2020

Критическую деятельность я воспринимаю старомодно — как профессиональное суждение об искусстве. Каждое слово тут можно подвергнуть рефлексии, дефиниции постоянно корректируется (впрочем, не принципиально; недавно у нас опубликовали дискуссию практикующих западных критиков в October по этому же поводу. Я ее читал, кажется, двадцать лет тому, изменилось немногое). Но суть остаётся.

Профессиональное? Понятно, что искусство в современном понимании утратило категорию ценза. Любого — цехового, институционального, поведенческого и так далее. Критика вроде бы тоже. Тут есть плюсы — социологи, математики, философы, «берущиеся» за искусства, методологически кое-что привносят. Свежая кровь всегда нужна. За тридцать лет вместо марксистско-ленинской эстетики что только не привносилось — из семиологии, неофрейдизма, неомарксизма, социальной антропологии; сегодня — из гендерного и колониального дискурсов. Вопрос — как укоренилось, как привилось, как адаптировалось к главной задаче? Осталось «питательным» (выражение Ильи Кабакова) по отношению к искусствоведению или привело к смене профориентации? Мне, на-

пример, вполне очевидна апроприация искусства в чужих, пусть важных, целях. Для меня профессиональное (в контексте критики) — это удерживающее свой предмет. Для этого, кстати, нужен если не ценз, то опыт и личностный масштаб. И определённая взаимность со стороны искусства. Слишком уж велик соблазн отдаться соблазнам новых социально ориентированных практик. Его не сразу преодолевали в 20–30-е и критики большого масштаба. Есть такая неpolitкорректная поговорка: жёну отдал дяде, а сам ушел к бл*ди. Не надо этого делать.

Второе — суждение. Понятно, что оно со времен Зевксиса с Паррасием связано с оценкой. Оценка сегодня — понятие безразмерное. Арт-продукт оценивают с точки зрения продвижения на рынке — коммерческом, политическом, идеологическом. Пойдёт или нет. Сама оценка проявляется разными способами, вплоть до терминологического. Почему так популярны аппликации и авторские художнические тексты? Критики-терминодержатели легко определяют: свой — чужой. Продвинутый или нет? Тут даже феминитивы работают как инструмент оценки.

Конечно, мне всё ясно с трендовостью. Тут больших талантов не требуется. Мне важно суждение как цепь профессиональных аргументов. Но не менее как литературный текст. Критик — литератор, без этого самые глубокие толкования буксуют. И наоборот. Я много спорил, например, с Катей Дёготь, редко соглашаюсь с Андреем Ерофеевым. Но их тексты мне всегда были важны.

Кстати, в обязанности куратора входит писание, но большие кураторы далеко не всегда блестящие критики (исключения хороши — Роберт Сторр, Джермано Челант, Бонито Олива). А у хорошего критического письма самостоятельная ценность. Короче говоря, в моем понимании прав старик Бол-

конский: «Другой и умные речи говорит, а слушать не хочется, а он и врет, да разжигает меня старика».

Третье — об искусстве. Выше говорилось об отсутствии любых цензов. В этой связи уже давно укоренилось понимание искусства как деятельности, как процессуальности. Это облегчает задачу производителям текстов: нужна идентификация по внешним признакам и «по дискурсу».

А культуры вживания в материал, даже пропедевтического уровня, не нужно. Не говоря уже о качестве письма.

В этом плане завидую, скажем, балетной критике, не потерявшей ни предмета, ни уровня профессиональных суждений. Да и как иначе: «Так поди же попляши!»

Мне же хочется оставаться в материале искусства в моем понимании, для этого накапливал опыт смотрения и писания. Этот материал, кстати, не лимитирован вкусами приличного либерального круга, мне интересно часто как раз некондиционное с точки зрения мейнстрима искусство: писал о Бойсе и о Кабакове, но и о Гелии Коржеве: заблуждения крупного художника часто важны для искусствопонимания не меньше, чем победы.

Теперь о бытовании критики. Все разговоры об уничтожении самой фигуры критика от лукавого. Угроза не в спаде интереса к ней, а в размене её на малых сих — тех, кто играет во властные игры, пиарит свои маленькие кружки по интересам вокруг маленьких журналов и сайтов, уходит в разные виды «активизма на доверии». Впрочем, даже не угроза — помеха. Не думаю, что у подобного критикозамещения большая аудитория. А так сборники критических текстов расходятся, не вижу сигналов не востребованности. Сигналы институциональной и материальной недооцененности вижу, а невостребованности — нет.

2018

